
Козьма Прутков <Вл. М. Жемчужников>

**Безвыходное положение
(письмо к моему приятелю
Апполинию в Москву)**

Толпой огромною стеснились в мой ум
Разнообразные, удачные сюжеты,
С завязкой сложною, с анализом души
И с патетичною, загадочной развязкой.
Я думал в мировой поэме их развить,
В большом, посредственном иль в маленьком масштабе,
И уж составил план и, к мирозерцанию
Высокому свой ум стараясь приучить,
Без задней мысли, я к простому понимаю
Обыденных основ стремлюся всей душой.
Но, верный новому в словесности ученью,
Другим следуя, я навсегда отверг:
И личности протест, и разочарованье,
Теперь дешевое, и модный наш дэндизм,
И без основ борьбу, страданья без исхода,
И антипатии болезненной причуды, —
А чтоб не впасть в абсурд, изгнал экстравагантность...
Очистив главную творения идею
От ей несвойственных и пошлых положений,
Уж разменявшихся на мелочь в наше время,
Я отстранил и фальшь, и даже форсировку
И долго изучал, — без усталости, с упорством, —
Свое в изгибах разных внутреннее я.
Затем, в канву избравши фабулу простую,
Я взгляд установил, чтоб мертвой копировкой
Явлений жизненных действительности грустной
Наносный не внести в поэму элемент.
И технике пустой не слишком предаваясь,
Я тщился разьяснить творения процесс
И слово новое сказать в своем созданье.

С задатком опытной практичности житейской,
С запасом творческих и правильных начал,
С избытком сил души и выстраданных чувств,
На данные свои взирая объективно,
Задумал типы я и идеал создал,
Изгнал все частное и индивидуальность,

И очертил свой путь, и лица обобщил;
И прямо, кажется, к предмету я отнесся,
И, поэтичнее его развить хотел,
Характеры свои заранее обусловил,
Но... разложенья вдруг нечаянный момент
Постиг мой славный план... и я вотще стараюсь
Хоть точку в сей беде исходную найти!..

**Козьма Прутков <Вл. М. Жемчужников>
Безвыходное положение (письмо к моему приятелю Апполинию в Москву)**

Впервые: С. 1854. № 3. Литературный ералаш. Досуги Кузьмы Пруткова. С. 34–35. Цензурное разрешение — 28.02.1854. Цензор В. Н. Бекетов.

Атрибутируется Владимиру Михайловичу Жемчужникову (1830–1884) на основании сохранившейся копии в тетради 1859 г.

Переиздавалось начиная с «Полного собрания сочинений» Пруткова 1884 г.; в «Полном собрании сочинений» Козьмы Пруткова 1885 г. подзаголовок изменен на «Г. Аполлону Григорьеву, по поводу статей его в “Москвитянине” 1850-х гг.» и добавлена сноска: «В этом стихотворном письме К. Прутков отдает добросовестный отчет в безуспешности приложения теории литературного творчества, настойчиво проповеданной г. Аполлоном Григорьевым в “Москвитянине”» (*Козьма Прутков*. Полн. собр. соч. / Сост., подг. текста и коммент. Б. Я. Бухштаба. М.; Л., 1965. С. 73. «Библиотека поэта». Большая серия). В наст. изд. использованы комментарии в указанном выше издании.

Создатель пародии В. М. Жемчужников, судя по письму к нему его брата А. М. Жемчужникова (1883), был знаком с редакцией «Современника» еще в начале 1850-х гг., когда учился в Санкт-Петербургском университете (см.: *Козьма Прутков*. Полн. собр. соч. С. 394), а с конца 1850-х гг., как свидетельствует жандармская слежка, неоднократно бывал у Н. Г. Чернышевского и получал за него гонорары (Там же. С. 7). В кружок «Современника» был вхож и Алексей Жемчужников, напечатавший в журнале комедию «Странная ночь» (С. 1850. № 2), однако дебют братьев именно в жанре пародии состоялся в 1851 г. в «Заметках Нового Поэта о русской журналистике» (С. 1851. № 11), куда вошли без подписи их комические басни. Летом 1853 г., по свидетельству В. Жемчужникова, родилась маска Козьмы Пруткова, а накопившиеся пародии были собраны, переданы И. И. Панаеву и напечатаны в специально созданной рубрике «Литературный ералаш. Досуги Кузьмы Пруткова» в нескольких номерах журнала 1854 г. В том же году В. Жемчужников по окончании университета уезжает в Тобольск чиновником особых поручений, и сотрудничество в «Современнике» на время прекращается (см.: *Козьма Прутков*. Полн. собр. соч. С. 21).

Обращение к пародированию критических статей — ход неожиданный и уникальный в корпусе текстов Козьмы Пруткова. Основным объектом высмеивания всегда были поэты — Бенедиктов,

Хомяков, Щербина, Фет и др. Импульсом к созданию пародии стала многолетняя полемика «Современника» с «Москвитянином», ведущаяся прежде всего Новым Поэтом (Панаевым), который, скорее всего, и был одним из инициаторов создания пародии именно на статьи Григорьева. К 1854 г. Новый Поэт едва ли не исчерпал ресурсы для остроумной тяжбы с Григорьевым и Эрастом Благонаравовым, поэтому стихотворная пародия на критическую статью должна была выглядеть неожиданно и оригинально.

Дополнительным поводом к ее созданию могли стать и личные счеты. Несмотря на то, что Григорьев был как раз единственным критиком, понявшим пародийный смысл первого коллективного сочинения братьев Жемчужниковых «Фантазия» и увидевшим в ней «меткую, хотя и грубую пародию на произведения современной драматургии» (М. 1851. № 6. С. 278), комедия А. Жемчужникова «Странная ночь» вызвала резкий отзыв критика «Москвитянина», увидевшего в ней бессмысленное подражание драматическим пословицам А. де Мюссе, далекое от жанра настоящей комедии (см.: М. 1850. № 13. Отд. IV. С. 27). На протяжении 1853–1854 гг. Жемчужниковы отвечали «Москвитянину» целой серией стихотворных пародий («Досуги») и драматической пословицей «Блонды», печатавшихся в «Литературном ералаше» (подробнее об этом см.: Берков П. Н. Козьма Прутков — директор пробирной палатки. Л., 1933. С. 85–87).

Однако наиболее существенные претензии лично у Жемчужниковых были к Григорьеву. В его статье «Русская литература в 1851 году» А. М. Жемчужников упоминался среди подражателей лермонтовского направления в худшем его виде (см. наст. изд., с. 196). В «Безвыходном положении», название которого и сюжетный пуант (финальный провал теоретических построений) намекает на провал Григорьева как критика, пародируются главным образом грамматика и стиль статей критика. Основной прием, на котором строится пародия, заключается в искусной стилизации под фразеологию и терминологию Григорьева, из статей которого специально выбраны наиболее сложные термины (как правило, кальки с иностранных языков, отглагольные существительные, такие как экстравагантность, индивидуальность, форсировка), а также специфические «григорьевские» словоупотребления. Они инкорпорированы в поэтический текст с нарушением лексической и грамматической сочетаемости слов в русском языке (например, «изгнать экстравагантность», «отстранить форсировку»). Контраст между абстрактными заимствованными терминами и привычными понятиями критического языка, с одной стороны, и аграмматичное словоупотребление, с другой, и создают комический эффект пародии.

Отклик Григорьева и «Москвитянина» на пародию Пруткова не последовало. В 1863 г., сидя в долговом отделении, критик написал для своей газеты «Якорь» (1863. № 1) автобиографический очерк «Безвыходное положение (из записок ненужного человека)», главной идеей которого стала констатация «ненужности» романтиков типа Григорьева в современной жизни, требующей «дела». Хотя никаких отсылок к пародии Пруткова в очерке не содержится, можно предполагать, что Григорьев помнил формулу «безвыходное положение» и проецировал ее как на бедственное заключение в долговую тюрьму, так и на изоляцию в мире современной ему критики.

С. 386. *Безвыходное положение...* — По наблюдению П. Н. Беркова, заглавие пародии, по-видимому, взято из статьи Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году»: «В стремлении к идеалу или на пути духовного совершенствования всякого стремящегося ожидают два подводных камня: отчаяние от сознания своего собственного несовершенства, из которого есть выход, или неправильное, не прямое отношение к своему несовершенству, которое, большею частью, безвыходно» (наст. изд., с. 285; см.: Берков П. Н. Козьма Прутков — директор пробирной палатки. С. 89).

С. 386. *...письмо к моему приятелю Апполинию в Москву.* — Намек на Аполлона Григорьева явлен уже в подзаголовке стихотворения. Как впервые указал П. Н. Берков, в той же тетради «Литературного ералаша» за подписью «Апполиний **» была опубликована «Фантастическая сцена из подземной литературы», пародировавшая стихотворение Григорьева «Рашель и правда» (см.: Берков П. Н. Козьма Прутков — директор пробирной палатки. С. 89–90). Ср. также подпись пародийного сочинения И. И. Панаева, направленного против «Искусства и правды» Григорьева (наст. изд., с. 747).

С. 386. *...И уж составил план и, к мирозерцанию...* — Мирозерцание — одно из самых частотных и важных понятий в статьях Григорьева, несущее большую смысловую нагрузку и восходящее к немецкой эстетике. Ср. статью «Русская литература в 1851 году» (см. наст. изд., с. 658).

С. 386. *...отверг ~ и модный наш дэндизм...* — Перечисление пунктов литературной программы Григорьева, изложенной им, главным образом, в статьях «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году», где все эти признаки были отнесены к разным ветвям лермонтовского направления, изжившего себя.

С. 386. ...*И без основ борьбу, страданья без исхода...* — Ср. в статье «Русская литература в 1851 году»: «Слово борьбы без основ, страданий и исхода» (наст. изд., с. 195).

С. 386. ...*А чтоб не впасть в абсурд, изгнал экстравагантность...* — Помещая экзотические иностранные слова, редкие в русском языке того времени, в позицию управляемых обыденными русскими глаголами, Жемчужников создает дополнительный комический эффект. В статье «Русская литература в 1851 году» слова «абсурд» и «экстравагантность» (во множественном числе) встречаются единожды (см. наст. изд., с. 197).

С. 386. ...*Я отстранил и фальшь, и даже форсировку...* — Слегка измененная цитата из статьи Григорьева «Русская изящная литература в 1852 году», где о стихотворениях А. Н. Майкова сказано: «Ему чужда всякая фальшь и форсировка» (наст. изд., с. 324).

С. 386. ...*Свое в изгибах разных внутреннее я...* — Философское понятие «Я» восходит к немецкой спекулятивной философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) и часто используется Григорьевым. Ближайший к пародируемому контекст находится в статье «Русская литература в 1851 году», где о В. Ф. Одоевском сказано: «Поэт не подошел к жизни, не померил в борьбе с нею внутренних сил, а взглянул на жизнь издали, многое увидел резко выдавшимся, еще большее усмотрел только в безразличной слитности и требования своего Я поставил таким образом вразрез с действительными явлениями» (наст. изд., с. 205).

С. 386. ...*мертвой копировкой...* — Слово «копировка» с середины 1840-х гг. употреблялось по отношению к натуральной школе. Ср. в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году»: «С другой стороны, и голая копировка действительности выступала ярко во многих позднейших произведениях, как другая крайняя сторона того же Гоголя»; «Мертвая копировка явлений действительности не может удовлетворить талант» (наст. изд., с. 203).

С. 386. ...*И слово новое сказать в своем созданье...* — Отсылка к финалу статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году», где «новым словом» объявлен Островский (см. наст. изд., с. 209).

С. 386. ...*На данные свои взирая объективно...* — Понятие «объективности» играло важную роль в эстетике Григорьева. См. о нем во вступительной статье к наст. изд., с. 26–27.

С. 386. ...*Задумал типы я и идеал создал...* — Частотные и семантически нагруженные понятия в статьях Григорьева (см. коммент. к статье «Русская литература в 1851 году», наст. изд., с. 658–659).

С. 386. ...*Изгнал все частное и индивидуальность...* — Слово «индивидуальность» вообще характерно для языка литературной критики 1850-х гг. и встречается у Григорьева не чаще, чем у многих его современников.